

Мачо,
принцесса,
мачо

СС СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ульяна Соболева и Вероника Орлова

Вероника Орлова

Плачь, принцесса, плачь

«Ульяна Соболева»

2016

Орлова В.

Плачь, принцесса, плачь / В. Орлова — «Ульяна Соболева», 2016

Мирослава взламывает в соцсети аккаунт убитой подруги и узнает, что у нее был жаркий виртуальный роман с неким Джокером. Мира решает написать ему от имени Нины. Она даже не представляет, в какую бездну её затянет эта переписка и кто на самом деле этот таинственный Джокер, который сводит ее с ума и открывает для нее новые грани извращённых, утонченных наслаждений. Ведь им может оказаться кто угодно из окружения Миры...в том числе и убийца Нины. В оформлении обложки использована фотография автора konradbak (Konrad Ваk), ресурс depositphotos. Лицензия # 117597232. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Джокер	8
Глава 2. Мирослава	14
Глава 3. Марина Чистова	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ульяна Соболева, Ульяна Соболева, Вероника Орлова Плачь, принцесса, плачь

Пролог

Больше всего в этом грязном и паршивом мире я ненавижу две вещи. Первая – это ложь. В любом её проявлении. Вы знали, что там, где правит закон, нет места справедливости? Вы знаете все оттенки греха на вкус, но понимаете ли, что иногда согрешить означает совершить добро для этого мира? Означает очистить его от истинного зла. Вы все кричите о торжестве и приоритете правды, но ни один из вас не выдержит и сотой доли того, что она несет в себе. Порождения лжи. Такие же, как я. И еще я ненавижу тишину. Я ненавижу безмолвие, которое длится дольше нескольких секунд. Оно впирается в моё тело краями острых мыслей, режущих на живую сознание.

А вы этой тишины боитесь. В этой тишине вы никогда не бываете одни. В этой тишине вас всегда жду Я.

(Joker 09.09.09. 20:35)

«В цепи, цепи и кольца.

Целься, стреляй в моё солнце.

Добивай меня,

Чтобы не было больше.

Цепи, цепи и кольца.

Целься, стреляй в моё солнце.

Добивай меня,

Чтобы совсем не стало больше»

(с) Линда – Цепи и Кольца.

«Harley Quinn 00:48:12

– Это такая шутка? Что это означает?

Joker 00:50:43

– Это означает, что я сделал домашнее задание и исполняю твои желания.

Harley Quinn 00:51:02

– Почему именно так?

Joker 00:52:23

– Потому, что тебе это нравится. Разве ты не этого хотела?

Harley Quinn 00:54:12

– Не мало ли времени для такой обширной работы? Или ты меня знаешь?

Harley Quinn 00:55:08

– А вот это не имеет значения. Может, знаю, а может, и нет.

Harley Quinn 00:56:56

– В таком случае это не честно, если ты знаешь, кто я, а я совершенно не знаю, кто ты.

Joker 00:57:21

– А кто сказал, что я играю честно? Я – это Я. Ты же видишь, кто я.

Harley Quinn 00:58:34

– Это смешно!

Joker 00:59:50

– Ты хотела исполнения желаний. Я уже выполняю твое условие, тогда как ты пока что нарушаешь мои.

Harley Quinn 01:03:27

– Ты их не озвучил!

Joker 01:05:19

– Итак, правило второе – ты не будешь мне лгать! Потому что я все равно узнаю, что ты мне лжешь!

Harley Quinn 01:06:58

– Ты сказал, что игра может быть нечестной.

Joker 01:08:11

– Читаем первое правило – все правила только МОИ. И ты не будешь мне лгать никогда.

Harley Quinn 01:09:41

– И что будет, если я солгу? (смеющийся смайл)

Joker 01:10:32

– Видишь мое имя? А как бы ОН отнесся ко лжи?

Harley Quinn 01:13:13

–

Joker 01:14:29

– Ответ тебя не устроил?

Harley Quinn 01:15:06

– Скорее, озадачил. Мы же играем и ты – это не он.

Joker 01:17:18

– Почему ты так в этом уверена? Здесь, в этом чате, я тот, кем ты хотела, чтобы я был.

Harley Quinn 01:19:22

– Я не уверена, что смогу в это играть.

Joker 01:20:41

– Не важно, в чем ты уверена, важно то, чего ты хочешь, а ты хотела меня. Разве нет? Отвечай! Хотела? Скажи: "Да! Я хотела тебя, Джокер"!

Harley Quinn 01:22:03

– Да. Я хотела тебя.

Joker 01:23:14

– У меня есть имя. Называй меня по имени.

Harley Quinn 01:25:07

– Оно не настоящее. Это никнейм!

Joker 01:26:00

– Для тебя оно настоящее. И это третье правило! Еще один шанс. Единственный. Ты можешь отказаться играть. Прямо сейчас. Просто выйди из аккаунта.

Harley Quinn 01:45:09

– Я хотела тебя, Джокер... И я хочу играть.

Joker 01:47:10

– Правильный выбор».

Я несколько минут смотрела на чужую переписку... потом на фотографию Нины в черной рамке, стоящую на письменном столе. Она в белом платье с выпускного. Такая юная, красивая с вьющимися локонами длинных пшеничных волос, с радостной улыбкой и с ямочками на щеках. Я хорошо помнила её такой, даже несмотря на то, что с тех пор прошло много времени, ведь я сама укладывала ей волосы тогда. А потом перед глазами мрачными, серыми картинками – она же в гробу, прикрытая белой простыней до самого лица. Только уже мертвая.

И в этот момент пришло сообщение.

«Ты здесь, крошка? Вижу тебя онлайн. Пропустила наше время. А я не люблю, когда опаздывают».

Я повернулась к ноутбуку. Наверное, это было слишком неожиданно. И вначале я испугалась, что меня поймали с поличным в чужом акке... а потом поняла – Джокер не знает, что Нина умерла. Он пишет именно ей. А значит, либо я отвечу...либо выйду прямо сейчас.

Сама не поняла, как рука потянулась к клавиатуре, и я написала:

«– Привет, Джокер. Прости, что опоздала. Мы сегодня играем?»

– Мы всегда играем, девочка. Даже когда мы оба не онлайн. Не забывай об этом».

Глава 1. Джокер

«Садись на меня.
Мы будем не здесь,
Когда эту грязь увидит заря,
Но только не нас, но только без нас -
Меня и тебя.
Невинные дети не встретят в раю
Мою и твою.
Продали мечту,
Купили мечту,
Порвали мечту».

© Агата Кристи – Порвали мечту

Чёткие аккорды «Агаты Кристи» искажил свист чайника, извещавший о том, что вода вскипела. Направился на кухню, достал чашку и открыл холодильник в поисках лимона. Вот ублюдок! Опять не купил лимон. Зато несколько пакетов сливок к своему долбаному кофе приготовил заранее, эгоист хренов.

«Порвали мечту
Такие тупые, что хочется выть
А небо такое, что можно убить,
Никто не заметит, когда я начну...»

© Агата Кристи – Порвали мечту

Выкинул его припасы в ведро, предварительно вылив каждый пакет в раковину. Если не понимает по-хорошему, то пусть с утра давится черным кофе, который терпеть не может.

Скулы свело от желания закурить. Похлопал по карманам и чертыхнулся, вспомнив, что так и не купил сигарет. Придется прогуляться до круглосуточного ларька неподалеку. Закинул куртку на плечо, схватил со стола наушники и начал закрывать дверь, когда услышал торопливые шаги, донесшиеся из квартиры напротив.

Усмехнулся, надвигая на самые глаза капюшон. Проходя мимо обшарпанной двери, постучал костяшками пальцев по деревянной поверхности и громко прошептал:

– Лизавет Иванна, а вчера в соседнем доме одну старушку увезли на «скорой». Говорят, сердце остановилось неожиданно, когда сериал свой смотрела.

Поднял запястье к самому глазку, демонстрируя часы и представляя, как сжалась в угол маленькая старушенция:

– Кстати, «Клон» ваш уже через три минуты начнется.

Едва не рассмеялся, услышав судорожный вздох, и, напоследок отстучав кончиками пальцев похоронный марш, спустился вниз, вырываясь на свободу из удушающей вони подъезда.

Вдел наушники, включая «плэй» и глядя, как рисует луна призрачные силуэты между деревьями. Иногда мне казалось, если выключить музыку, я услышу их шёпот. А этого дерьма мне однозначно не надо было. Именно поэтому всегда только музыка, к чёрту сирены автомобилей, визг шин и крики пьяных прохожих.

Вскинул голову, глядя на огромный щит у дороги, освещенный фонарем. Счастливая, улыбающаяся девочка смотрела обожающим взглядом на мужчину рядом с собой. В руках он держал маленького плюшевого медведя с бантом.

«У каждого своё счастье. Наша задача – сделать счастливыми всех!». Всё в лучших традициях предвыборной кампании для идиотов. И можно с уверенностью говорить о том, что многие купятся и на фальшивую улыбку депутата, и на пошлую наивность ребенка, протяги-

вающего руки за игрушкой. Я же, не отрываясь, смотрел на шею медведя, перевязанную белым бантом. Туго. Так туго, что, казалось, мишке трудно дышать, его красный рот был полуоткрыт, будто ему не хватало воздуха, а глаза чернели выпуклыми бусинами. Вот только никто не видит, как задыхается это самое счастье в толстых пальцах, все видят только дорогой костюм и две аккуратные косички девочки.

«Дмитрий Белозеров – твой кандидат!» – продолжает утверждать лозунг. Я улыбнулся, опуская голову и отходя от плаката. О, да, Дмитрий Лазаревич определенно мой кандидат. Далеко не первый в списке, но самый главный.

Возле ларька на облезлом стенде красовалась информация о проведении «Вечера настоящей мелодии». В программе значились Бах, Бетховен, Моцарт, Верди, Чайковский. Открывать мероприятие предстояло самому Дмитрию Белозерову, гордо стоявшему рядом с двумя красавицами в окружении прыщавых учащихся консерватории. Одну из них, ослепительную блондинку, он по-хозяйски приобнял за плечи, а вторая, зеленоглазая брюнетка, скромно улыбалась, глядя прямо в камеру. Идеальная семья, в которой даже воротник платья не может лежать неидеально.

– Чё раскорячился? Будешь что брать, нет? Я окно закрою – дует же.

Вздрогнул, оглянувшись на окрик продавщицы.

– Чёрный «Винстон» с синей полоской. Три пачки. Лимоны есть? Давай один.

«Когда я начну,

Наполню суровой реальностью сон.

Когда я начну,

Умоется кровью ваш Вавилон.

И каждая тварь

От солнечной правды будет стонать, от боли

И выть, когда я начну конкретно мочить».

© Агата Кристи – Порвали мечту

Проходя мимо стенда, покачал головой, с наслаждением затягиваясь сигаретой.

– Не ту музыку слушаете, Дмитрий Лазаревич. Не ту.

Уже дома кинул покупки, наушники с телефоном и выуженную из почтового ящика газетку на стол, зажег газ, ставя снова чайник. Прикурил еще одну сигарету, чувствуя, как начинает сдавливать голову от звенящей тишины в квартире, как начинает стучать в висках от гнетущего безмолвия. И уже через несколько секунд едва не сдох от облегчения, когда в колонках взревела Металлика.

Черно – белое изображение девушки в деловом костюме снова улыбалось камере, будто соблазняя ее.

Мирослава Лазаревна Белозерова. С ума сойти. Это же надо было так назвать дочь. Чертовы аристократы с их причудливыми вкусами. Что только не придумают, лишь бы выделиться.

Можно подумать, этой сучке мало её красоты, которую даже газетенка низкого пошиба не смогла испортить своими разводами и нечеткими красками. Хотя, одернул себя, сучкой её точно не назвать. Скорее, пустая высокомерная дурочка, главным достоинством которой стало рождение в нужной семье. Характера маловато для стервы. Повезло, что все склоняли голову перед фамилией, открывая все двери и уступая лучшие места. Смотрел на ее фото и видел всю её жизнь, год за годом. Закрытый сад и престижная школа, обучение в столице и огромная квартира в самом центре, как подарок на окончание ВУЗа. Устроили под боком у близких друзей семьи. Всегда под присмотром и опекой. Но и в то же время ни шагу влево или вправо. Скучно, предсказуемо и ослепительно успешно. Кто-то мог бы позавидовать... черт, да абсолютно все. Вот только за всё в этой жизни нужно платить. И свадьба с первым же богатым толстосумом, на которого укажет отец, это не та оплата, которую птичка задолжала за свою золотую клетку.

Поставил недопитую чашку в раковину: кое-кто побесится завтра с утра, опаздывая в свой первый рабочий день.

Заколело кончики пальцев от предвкушения. Завтра мы встретимся с тобой, маленькая принцесса, и я лично проверю, так ли ты умна, как говорят о тебе все эти многочисленные интервью и статьи. Они тоже куплены деньгами твоей семьи?

Зашел в комнату и плюхнулся на диван, включая телевизор на полную громкость и приглушая музыку. Где-то сбоку постучали в стену и что-то закричали, но я даже не прислушивался. Никто из трусливых крыс, живущих по соседству не решится ни вызвать ментов, ни тем более заявиться ко мне. Всё уже пробовали. Конечно, не они, а бывшие хозяева их квартиры. А этим ой как не хочется тоже оказаться вдруг бывшими. Правда, ни один из них понятия не имеет, что именно произошло. Люди всегда предпочитают слухи. И чем они грязнее и изощреннее, тем лучше. Кому нужна истина, неуклюжая как топор, когда можно стилетом лжи выводить любые узоры, самые мелкие и витиеватые?

Лениво переключал каналы, пока не наткнулся на криминальные новости. А вот это интересно! Похоже, опять кого-то прирезали, ограбили или изнасиловали. От одной мысли о последнем стало тесно в паху. Сколько у меня женщины не было? Около недели? А ощущение будто месяц не трахался. Рука непроизвольно потянулась к телефону, там как раз последним в списке должен стоять звонок той тёлке, которую подцепил в переходе метро. Обычно я предпочитал не связываться с «гражданскими». Меня вполне устраивали шалавы. Заплатил – получил удовольствие, и до следующей случайной встречи! Но эта девочка обошлась дешевле проститутки: ей нужен был ночлег на ночь, а мне нужен был минет, да и рот у неё оказался вполне себе рабочим. Одёрнул руку – не сегодня. Вот завтра и отметим по полной программе важное событие нашего друга.

Кадры, в которых несколько жирных ментов вежливо, определенно играя на камеру, допрашивали шлюх в грязном белье посреди заваленной матрацами комнатухи, сменились на другие, и я выключил музыку совсем.

– Сегодня на ***** кладбище состоялись похороны Богатовой Нины Владимировны, дочери известного телемагната Богатова Владимира Алексеевича. Напоминаем, девушка была убита в ночь с двадцать второго на двадцать третье мая, её труп в машине обнаружили случайные прохожие, совершавшие пробежку утром двадцать третьего мая. По словам родителей убитой, их дочь накануне смерти отмечала день рождения своего друга в одном из элитных ночных клубов и должна была вернуться только к утру. Однако, друзья девушки утверждают, что в районе двух часов ночи Нина подошла к ним взволнованная и попрощалась, сообщив, что уезжает с другом, которого никому из них увидеть не удалось. Одна из камер наружного наблюдения засекла высокого мужчину в темной куртке с капюшоном, вместе с которым девушка села в свой автомобиль и уехала. Рассмотреть лицо подозреваемого специалистам не удалось.

Причиной смерти по мнению судмедэкспертов стали многочисленные ножевые ранения. Следствие склоняется к версии обычного ограбления. Убийца похитил дорогие гаджеты и украшения, принадлежавшие молодой женщине. Личность предполагаемого преступника пока...».

Скучно... я ненавижу криминальные сводки. Заученный монотонный текст, изредка прерывающийся осуждающими либо предостерегающими нотками в голосе дикторов. Причина смерти... Причиной смерти стала абсолютная глупость девчонки, которая отправилась неизвестно с кем неизвестно куда. Говорить о безопасном обществе и безопасном мире без убийств, ограблений, унижений и насилия особенно хорошо, сидя в кабинете с охранниками за дверью и глядя в окно с бронированными стеклами.

Произносить обличительные речи в адрес современного, прогнившего в своих пороках общества всё же лучше в окружении телохранителей и одетым в бронежилет последней модели.

Грёбаное правовое сообщество несомненно дарит чувство безопасности. Но определенно не саму безопасность.

Камера репортера медленно двигалась по унылым лицам людей, обступивших опускаемый в землю гроб. Аккуратные рыдания матери в элегантный черный платочек, застывшие слезы в глазах отца, не сумевшего со всем своим миллионным состоянием уберечь дочь, подруги, друзья и родные, пришедшие отдать последний долг. Подался вперед, увидев хрупкую девушку в черном платке со слезами на щеках.

Её горе выглядело настолько настоящим, что его можно было прочувствовать даже через экран. Мне понравилось простое черное платье на ней. Оно оттеняло белизну её нежной шеи. Тёмные локоны спускались на плечи, ветер трепал их, разрушая прическу, ломая выверенный образ идеальной красавицы со стенда. Её слёзы... Я смотрел на мокрые дорожки на её щеках и не мог не признать, что они ей шли куда больше радостной улыбки на фото в газете. Говорят, мужчины ненавидят женские слёзы... Идиоты просто не умеют пользоваться той властью, которую предоставляет женская боль. Властью, которую хочется с каждым разом всё больше и больше. Улыбка – это маска, которую надеть на себя может каждый. Настоящие чувства плещаются на дне глаз, там, где и таится боль. И стоит один раз почувствовать, как она вырывается наружу дрожью рук или жидким серебром из глаз, стоит один раз услышать её хриплый всхлип беспомощности, чтобы влюбиться в неё окончательно и бесповоротно. В эту боль. Захотеть обладать ею безгранично и беспощадно под хриплые мольбы о милосердии.

Включил ноутбук и музыку. Скрытые файлы. Список имён с точными датами рождения и фотографиями. Должности, адреса. Хобби и семья. Любовницы и любовники. Их фото и увлечения. В 21 веке собрать информацию о человеке легче, чем сходить в туалет. Спасибо социальным сетям. И тем наивным идиотам, что с завидным упорством выставляют свои фотографии в целях завоевать уважение, доверие, любовь или просто любое внимание у окружающих. Непонятное маниакальное желание внимания со стороны абсолютно чужих, незнакомых людей. Каждый из зарегистрированных пользователей – готовый пациент для психиатра. Проблема только в том, что у психиатров у самих здесь аккаунты. Статус человека подтверждают теперь не высшее образование или банковский счёт, а количество подписчиков и «лайков».

Зайти в сеть, набрав пароль и логин, чтобы уже через мгновение быть на нужной странице. Застыть перед фотографиями, внимательно всматриваясь в каждое изображение, запоминая мельчайшие детали: от чашки дымящегося кофе на столе до очертания известного парфюмерного бренда на дальней полке. Увеличить фото, чтобы выписать пометку в нужный файл. На следующей фотографии улыбающаяся Мирослава Лазаревна снова в строгом костюме. Комментарий: «Моё первое дело... Победа. Ура!». Тонкие пальцы сжимают элегантную черную папку. На среднем пальце блестит кольцо из белого золота с аккуратным бриллиантом. Девушка явно не любит вычурность. Никаких лишних украшений на работе, но в то же время шикарное изумрудное кольцо на какой-то вечеринке. Никаких фото с собачками, больше похожими на дохлых крыс, и яркими коктейлями в унизанных кольцами, подобно кастету, пальцах.

Коллективное фото в компании подруг, на котором настоящей кажется только она. Настоящей, а не очередной куклой с надутыми губами и прищуром. Снова с улыбкой, которая, правда, не тронула глаз. Нет, определенно печать горя больше тебе к лицу, Принцесса.

Создать новый документ, печатая первые строки уже известной информации.

«Белозёрова Мирослава Лазаревна.

Рабочее имя: «Принцесса»

Дата рождения: 15 октября 1992 г.р.

Волосы – тёмные. Цвет глаз – зеленый. Рост – 168 см.

Телосложение хрупкое.

Место работы: ЮФ «Белозёров и партнёры».

Должность – юрист в сфере хозяйственного права.

Стаж работы – 1 год.

Предпочитаемые места отдыха – ...

Любимый исполнитель – ...».

Я знал о ней так много и в то же время недостаточно для того, чтобы сблизиться. А, впрочем, я не торопился. Времени было достаточно. Дорога к ней должна была занять еще, как минимум, четыре пункта.

Сохранить фотографии в её папке, загрузив туда же её любимую музыку. Так называемый «женский рок», хотя лучше он, чем завывания современной отечественной эстрады. Первая же песня взрывается в голове непривычно чувственным голосом.

«Ты заставляешь меня желать смерти,

Я никогда не буду достаточно хорошей для тебя,

Ты заставляешь меня желать смерти,

И всё, что ты любишь, сгорит на свету.

Каждый раз, когда я смотрю в твои глаза,

Я начинаю желать смерти».

©«The Pretty Reckless» – «You Make Me Wanna Die»

Я никогда не верил в Судьбу, Принцесса, всегда считал, что только человек своими действиями определяет свое место в жизни... Но что это, если не Судьба?

– Кооооость... Ну, Кооооость...

Засмеялся, почувствовав, как обхватили тонкие ручки за талию.

– Мелкая, свали. Я опоздаю из-за тебя.

– Ну, и что! – Я мог поклясться, что она надула губки. – А я боюсь, что ты опоздаешь на мой День Рождения!

Развернулся к ней и приподнял в воздух, охнув, когда она намеренно, но несильно, въехала ногой мне по колену. Зашептал в ухо, вдыхая в себя запах детского шампуня и фруктовых конфет.

– Тааааань, я ненадолго и обязательно успею к твоей днюхе. Я всего на пару дней. Я не могу отменить сборы.

– Но обещай, что ты обязательно приедешь в выходные? – карие глазки сузились, а мне в нос уткнулся маленький пальчик.

– Да, обещаю, обещаю. Довольна?

Спустил её на пол, с улыбкой глядя, как она поскакала прочь.

Я вернулся, как и обещал, в её День Рождения. С огромным медведем больше ее роста. Вернулся, чтобы стать тем, кто закроет её глаза навечно.

Когда увидел выключенный свет в окнах, решил, что маленькая чертовка уговорила родителей устроить мне сюрприз... или же наказать меня. Я опоздал на два часа. Открыл ключом дверь и закричал во все горло:

– Танька – заразка моя маленькая, с Днём Рождения!

Вначале я даже не понял, что за тишина окутала дом.

– Народ, харэ притворяться! Тааань, смотри, что принёс тебе! Отдам за поцелуй!

Щёлкнул выключателем, но свет не включился. Понятно, вылетели пробки.

– Тань, десять поцелуев. Забирай, пока я добрый.

Включил фонарь на телефоне и проследовал по направлению к кухне.

Это было похоже на оглушительный выстрел среди полной тишины. Тихий долгий стон, от которого внутри перевернулось всё. А потом словно в фильме ужасов – следы крови, теперь отчетливо видневшиеся на полу, раскиданные диванные подушки и опрокинутые кресла.

Сорвался на бег и остановился как вкопанный, чтобы заорать, чтобы разорвать криком могильную тишину, обрушившуюся на мой дом».

Вскочил в холодном поту, опрокидывая на пол стоящую на стуле пепельницу.

Снова этот сон. Впрочем, я настолько привык к нему, что для меня провести хотя бы одну ночь без встречи с прошлым стало бы большим сюрпризом, чем наоборот.

Кто-то считает, что в кошмарах обязательно должны присутствовать привидения и чудовища, в моём же кошмаре были лишь люди. Близкие и любимые. Только мёртвые. Каждую ночь одно и то же: возвращение домой и зверски вырезанная семья. Моя семья. Гнетущая тишина и чувство ужаса, от которого подкашиваются ноги. А потом и самое страшное – именинница с праздничным колпаком, истекающая кровью и хрипящая моё имя. Мне казалось, что она превратилась в сплошной фонтан крови – десять ножевых ранений по всей поверхности тела. Потом она постоянно будет приходить ко мне именно такая: маленькая девочка в кровавой одежде и со съехавшим на бок бумажным колпаком.

Её не удалось спасти. Грёбаная «скорая» ехала так долго, что Таня не дождалась – закрыла глаза за несколько секунд до того, как послышались крики полицейских и врачей.

Меня никто не слышал. Хотя я не могу с точностью сказать, что я что-то говорил. Я просто смотрел на свою мертвую сестренку и понимал, что они опоздали. Я слышал словно издали веселый тон доктора «скорой», говорившего о том, что здесь ему нечего делать, и чувствовал, как просыпается желание наброситься на него и сжать ладонями горло.

Они обвинят во всём меня. В том, что я убил свою собственную семью и направят меня в психушку, а через три года, после того, как местный врач подпишет необходимые документы – на зону на двенадцать лет. Эти грёбаные ублюдки назовут зверское убийство моей семьи сухим термином «преступление», привязав к определенным статьям Уголовного Кодекса.

Их лживые свидетели и эксперты будут говорить о том, что у меня неожиданно сорвало крышу, но это, конечно, не смягчает особой жестокости, с которой было совершено «преступление». Однако, мне однозначно необходимо принудительное лечение. Сосед будет утверждать, что в последнее время мое поведение было «необычайно раздражительным», и вообще, я агрессивный тип, склонный к насилию.

Тренер футбольной команды с легкой грустью расскажет о том, что последние сборы я пропустил. А девушка, с которой я провел те два дня, упорно будет отрицать, что трахалась всё это время со мной на съёмной квартире.

Они все говорили, каждый своё, но никто из них не слышал того, что произносил я. Они вынесли мне приговор еще там, в моем доме, насквозь провонявшем смертью. И сейчас настало моё время вершить правосудие.

Глава 2. Мирослава

Тьма пожирает мой разум,
Свет свёл меня с ума.
Пламя полыхает, а я в самом его центре,
Я хочу просто умереть здесь,
и ты меня живой не выпустишь.
Ты хочешь, чтобы я сгорела, чтобы я сгорела,
Хочешь, чтобы я почувствовала боль,
и тогда, может, усвоила бы урок...
©«The Pretty Reckless» – «Burn»

Огонь – живая и жуткая, голодная тварь. Нет в нем тепла и света, в нем только смерть и лютость. Он оставляет после себя уродство и ужас. Самое страшное уродство, какое можно сотворить с кем-либо живым. Я смотрю, как он ползет по стенам шевелящимися оранжевыми червями, переливаясь и копошась, сжирая тонкую бумагу обоев. Чернота за ним шлейфом. Адская и вонючая чернота. Сжимаются и скукоживаются бледные цветы, превращаются в струпья и лохмотья. Языки пламени лижут потолок, все трещит вокруг, и удушливый дым забивается в легкие, разрывает их, разъедает глаза. Я слышу крики. Жуткие оглушительные вопли боли и ужаса. Они гудят эхом у меня в голове, а по щекам катятся черные слезы из пепла и сажи. Я вытираю их, и пальцы обугливаются у меня на глазах. Задыхаясь, с ужасом смотрю, как слезает кожа, как она горит и сворачивается, воняет горелым мясом. Вот как выглядит смерть. Не старуха с косой, не черный ангел с распростертыми крыльями, а адская огненная стена, готовая поглотить тебя в свою разъявленную пасть... И снова крики. Мольбы о помощи. Стоны и плач... Смерть уже кого-то жрет живьем и скоро она доберется до меня. Я чувствую ее зловонное и удушливое дыхание... Она меня заждалась.

Вскочила на постели, тяжело дыша, трогая лицо, делая судорожные глотки воздуха и глядя на свои пальцы. В голове все еще раздаются крики, и я зажимаю уши ладонями, в ужасе лихорадочно оглядываясь по сторонам. Несколько минут на то, чтобы проснуться и понять, что это был сон. Комната залита солнечным светом, и мягкий, золотистый рисунок обоев совсем не похож на обугленные черные струпья из ночного кошмара. В воздухе не витает запах гари и смерти, а доносится аромат свежее испеченных булочек и цветов. Мама любит, чтобы их приносили каждое утро. Доносится шум с улицы, голоса. Посмотрела на часы – восемь. Давно мне не снился этот кошмар. Уже несколько лет. Бросила взгляд на бутылочку с антидепрессантами, протянула руку, но не взяла. Это один раз. Всего лишь один раз за шесть лет. Возможно, больше он не вернется. Я просто не должна об этом думать. Забыть. Выкинуть из головы. Сделать вид, что он мне не снился. Я избавилась от этого. Я выросла из этих приступов паники. Да. Они остались позади.

Встала с постели и распахнула шторы, впуская солнечный свет, рассеивающий мрачные тени ночного кошмара. А во рту все еще привкус пепла, и каждый вздох дается с трудом.

Потянулась к телефону, быстро набрала сообщение: «Нин... ты уже не спишь? Мне так плохо. Мне опять приснилось...»... и замерла, глядя на маленькое изображение адресата. Забавная картинка с девушкой из комикса с колпаком и бубенчиками. Внутри все сжалось в тугую спираль, а взгляд затащила соленая едкая пелена. Нет адресата. Её больше нет. Мне некому позвонить, когда мне плохо, мне некому написать, мне некому вопить от радости или плакать от тоски. Стерла сообщение и положила сотовый на тумбочку. Закрыла лицо руками, чтобы немного прийти в себя, а в голове такое непреодолимое желание набрать ее номер. Все цифры пляшут перед глазами. Вот когда приходит осознание, что человека нет рядом. Не тогда, когда тебе говорят о его смерти и даже не тогда, когда бросаешь горстку земли на гроб, а именно

тогда, когда понимаешь, что больше не можешь его услышать и почувствовать. Когда такие привычные звонки, смски вдруг становятся чем-то фантастически недостижимым. Ты уже не получишь на них ответа. Никогда. И тебе надо отвыкнуть. Отвыкнуть от всего, что связано с этим человеком... отвыкнуть от самой себя. Отрывая и закапывая этот самый кусок где-то в соседнюю могилу и оплакивая обоих, пока снова не привыкнешь, пока место ампутации не затянется с годами, оставляя шрам, который болит в те самые мгновения, когда вдруг невыносимо хочется снова почувствовать тот самый кусок себя, существовавший лишь с определенным человеком. В жизни так мало людей, которые знают нас настоящих, без масок и притворства. Когда они уходят, становится страшно, что больше ни перед кем нельзя снять маску... не смыть грим, не раздеться донага, что больше никогда не стать настоящей.

Я быстро умылась, не глядя в зеркало. Распахнула шкаф и автоматически выбрала черную одежду. Может, кто-то решит, что это траур, но я не носила иных цветов. Только иногда, когда того требовало мероприятие. Мне нравилось заворачиваться в черное. Оно не испачкается, оно непроницаемое, оно надежно скроет все, что не положено видеть никому. Я уже не помнила, когда впервые не смогла надеть вещь другого цвета. Точнее... я не хотела помнить.

Это все после смерти Нины. Вот это состояние. Я должна с ним справиться. Обязательно должна. Расчесала волосы, собирая в узел на затылке, застегнула блузку на все пуговицы, поправила строгую юбку и наконец посмотрела в зеркало.

Привычные штрихи косметики, даже не глядя, мазок бордовой помадой по губам.

«— Тебе идет именно бордовый. Ты похожа на готические картинку. Никогда не представляла тебя в розовом или голубом. Бабочки, рюшки.

— Зачем? Ты наденешь за нас двоих. Вот эта салатная просто верх экзотики.

— А еще есть оранжевая и красная.

— Оранжевая? Упаси Бог!

— Или малиновая.

— Ужас! Я никуда с тобой не пойду!

— Пойдешь, иначе я в свой День Рождения из-за тебя тоже останусь дома, и тебе будет стыдно.

— Не будет. Я закажу нам суши, и мы посмотрим твоего любимого Джокера.

— Слааав.

— М?

— А он мне вчера написал.

— Кто?

— Джокер.

— Угу. А Бэтмен не писал?

— Да ну тебя. Я серьезно. В той группе, о которой я рассказывала тебе... Я оставила там заявку и... он написал мне тогда, а потом...

— Боже! Ты серьезно решила продолжить этот бред? Джокер. Исполнение желаний. Группы вконтакте. Переписки. Задания.

— Я больше ничего тебе не расскажу.

— Да, ладно. Ну, и что написал?

— Я покажу тебе. Он написал мне на сотовый.

— Ты дала ему свой сотовый?

— Правила игры!

— Ну да. Как я забыла правила игры?!

— Он такое мне пишет... Слав. Я... я, кажется, влюбилась.

— Ну да. В виртуального Джокера, который обещал исполнить твои желания.

— Он их исполняет.

— Конечно. Исполняет. Я в этом даже не сомневаюсь».

Не заметила, как сильно ярко навела губы, пока вспоминала разговор с Ниной.

Вытерла полностью. Не хочу. Ничего не хочу. Я бы легла в своей кровати под одеяло, включила наши видео с Ниной в инстаграме, и чтоб никто не трогал меня.

Запищал сотовый.

«Слава, отец уже спустился. Не опаздывай!»

Пока шла по ступеням вниз, взгляд цеплялся за семейные фотографии в красивых золотистых рамках. Мама ужасно любила развешивать по дому не картины, а именно наши портреты. Говорила, что нет ничего прекраснее, чем всегда видеть нас всех вместе. Идеальная семья. Как с обложки заграничных журналов. Все счастливы. Все улыбаются. Все четверо. Я, брат и мать с отцом. Счастье под стеклом в золотом ободке. Как пойманная в клетку птица, которой можно любоваться и восхищаться не зная, что на самом деле она чувствует, запертая в решетку из прутьев. Мельком заметила пару пустых мест. Кто не знает, никогда бы не догадался, что там чего-то не хватает. Взгляд застыл на чуть более ярком квадрате обоев между моим портретом и Димкиным. На секунду показалось, что обои темнеют и скручиваются, тлеют. Нахмурилась, сильнее сжимая перила.

– Слава! Ты опаздываешь!

Голос мамы вывел из оцепенения.

– Уже иду, мама!

Даже голос не дрогнул. Выходные я всегда проводила у родителей. Так было заведено у нас. Традиции нашей семьи были неизменными всегда. Что бы ни произошло вокруг, Белозеровы соблюдали ритуалы из года в год.

Иногда мне казалось, что я живу в каком-то бесконечном дне сурка. Где каждая минута похожа на предыдущую, а день не отличается от вчерашнего, как под копирку. Четкое расписание по часам, и не дай Бог нарушить систему. Гнев Лазаря Вениаминовича тут же обрушивался на головы виновных. Вышколенная прислуга в белых фартуках, кухарки, не смеющие зайти в дом с главного входа, работники, дрожащие от одного звука его имени, и мы все, трусливо соглашающиеся с каждым его словом и действием.

На каком-то этапе меня это начало сводить с ума, и я съехала от родителей. Как и Димка. Он вообще уехал учиться в Европу, как только окончил частную школу-лицей.

– Слава! – мать укоризненно посмотрела на меня, потом на часы и на отца, – Завтрак начался еще пять минут назад!

– Простите, я не могла кое-что найти. Кое-что очень важное.

Отец размеренно намазывал хлеб маслом. Очень аккуратно, так чтобы слой был одинаковым со всех сторон.

– Если бы ты все складывала по своим местам, то искать бы не пришлось, – обыденным поучающим тоном сказал он и отпил крепкий чай из прозрачного стакана. А я почувствовала себя провинившимся ребенком, словно мне не двадцать четыре, а восемь. – Садись за стол, Мирослава. Через десять минут будет подана машина.

– Я на своей, папа. – отодвинула стул и села напротив него, автоматически придвигая к себе тарелку и глядя, как поблескивают запонки на манжетах его серого пиджака. Как мама подвигает к нему хрустальную пиалу с джемом и при этом улыбается аккуратно накрашенными губами. Восемь утра, а она причесана и одета так, словно к нам скоро придут гости. Это удивило бы кого угодно, но только не меня. Ровно в десять водитель отвезет ее в благотворительный фонд. Как и всегда по понедельникам. Я смотрела на них, и мне казалось, что это не живые люди, а картина, которая остается неизменной в течение веков, только у персонажей со временем добавляются седина и морщинки.

– Ты принимала снотворное? – мать подвинула мне тарелку с булочками. – Если да, то лучше за руль не садится и...

– Я не принимала снотворное, мама.

Кусок в горло не лез, но я все же откусила воздушную булку плетенку и медленно разжевала, прислушиваясь ко вкусу – пепел на зубах не хрустел, и я с облегчением отпила из чашки кофе.

– Я взял на работу нового программиста, – сказал, как бы между прочим, положил в рот один из нарезанных кубиков батона и посмотрел на меня, а я так и застыла с булкой в руке. Владелец компании, он предпочитал лично контролировать кадровую политику на предприятии, утверждая, что в хорошо отлаженном механизме даже мельчайшие детали важны.

– Хорошо, папа.

Медленно выдохнула и положила булку на тарелку.

– Мне нужно в офис пораньше – много работы скопилось за выходные.

– Ты могла часть работы сделать еще вчера.

– Лазарь! – с укором, но не повышая тон. Мама всегда разговаривала с отцом именно так. Очень спокойно и до отвратительного вежливо. – Позавчера были похороны!

– Но это же не её похоронили. Ответственность превыше всего.

Я встала из-за стола и отодвинула от себя тарелку.

– Спасибо. Было очень вкусно. Мне пора.

Поцеловала мать в щеку, а она ободряюще погладила меня по щеке.

– Надо время, родная. Время все лечит.

«А тебя оно вылечило?»

Но вслух я этого не сказала, только натянуто улыбнулась.

– Осторожнее там на дороге. Не гоняй.

Проходя мимо столика с газетами и журналами остановилась, заметив заголовок старой газеты.

«В пригороде столицы найден труп женщины лет двадцати со следами насильственной смерти и увечий... Рот жертвы...»

Я не стала дальше читать. Быстро выдохнула и толкнула стеклянную дверь. С улицы душливо пахло цветущей акацией. Никакого запаха гари и пепла.

Я зашла в кабинет, чувствуя, как перехватило в горле от желания опрокинуть в себя чашку с горячим кофе, которую держала в руках. Если я не сделаю хотя бы глоток прямо сейчас, моя голова просто расколется на части. С наслаждением отпила ароматный напиток, еле сдержав стон облегчения, поставила чашку на стол и полезла в сумку за антидепрессантом. Мне это все же необходимо. Иначе я просто распадусь на части, и тогда ночные кошмары... Они вернутся ко мне.

Зазвонил рабочий телефон:

– Мирослава Лазаревна, есть какие – то сдвиги по заключению контракта с "Нефтью Сибири"?

У нашего генерального директора имелась удивительная привычка не здороваться при разговорах с сотрудниками. Правда, обычно со мной он себе такого неуважения не позволял, да, и звал чаще Славочкой, но северяне настолько затянули подписание контракта, что нервы у "генерала" сдавали.

– Валерий Георгиевич, они прислали протокол разногласий к нашему варианту договора. Вот сижу и изучаю – требуют указать в нём просто космические неустойки за неудовлетворительный итог по делу.

– Сволочи! – Директор что-то еще произнес, видимо, прикрыв ладонью трубку, слов я не разобрала. – Изучай, Славочка. Мне в папку все сноски, как обычно.

– Конечно, Валерий Георгиевич.

Положила трубку, чувствуя, что головная боль не проходит, как и осадок после сна. Раньше всегда становилось легче, когда я погружалась в работу. Из коридора доносился смех и

голоса сотрудников. Принимают новенького. Так заведено. Торт. Вино. А два дня назад поминали Нину. Торт. Вино. Вот так все просто. Одинаковая значимость событий. Особенно если можно на халяву поесть и выпить, то какая разница по какому поводу. Посмотрела на наше с Ниной фото, где мы вместе улыбаемся после очередного удачно оконченного дела. Я сижу здесь, а она... а её какой-то ублюдок зарезал и вышвырнул тело за городом. Ее больше нет.

« – Ну и что он тебе пишет? Ты обещала показать.

– Покажу. Я с ним через рабочую систему общаюсь. Там все запаролено. А дома мало ли, кто из моих может влезть.

– Ох ты ж как секретно!

– Он мне такое пишет, Слав... Я когда читаю, колени сжимаю и дышать не могу.

– Ну-ну. Виртуальный секс? Сессии по скайпу?

– Я в реальном никогда так не кончала, как с ним... там.

– Извращенка. Бред какой-то. Ты хоть видела его?

– Нет. Ни разу. Он не хочет, чтоб я его видела. Это одно из правил.

– Понятно. Ничего, увидишь и бежать будешь без оглядки.

– Да мне все равно, как он выглядит, Слав. Все равно, понимаешь?

– Не понимаю, но если тебе хорошо...

– Мне хорошо. Иногда тааак больно, но хорошо».

Джокер... Человек, который был близок к ней почти так же, как и я. Который может что-то знать... что-то, чего не знаю я. Только станет ли он мне рассказывать... а если не мне?

Попробовала войти в рабочую систему Нины и не смогла. Логин знаю, а пароль, который она мне давала раньше, неверный.

Еще одна попытка и еще, и головная боль снова усиливается вместе со злостью и каким-то отчаянием. Она сменила пароль... ничего мне не сказала.

Зашла в рабочий чат с программистом и долго думала, прежде чем написать что-то. Понимание того, что теперь мне ответит не Нина, скручивало все внутри. "Скорая помощь" – так она назвала этот чат, окрестив себя Доктором Ниной Владимировной.

На глазах появились слёзы, когда вместо знакомого имени увидела чуждое – Адам Гордеев. Тот самый новенький, ради которого в коридоре устроили праздник. Ничего. Вот и пусть начинает работать. Прямо сейчас. Хватит там веселиться. Вряд ли он сразу поймет, что я хочу войти не в свой аккаунт. Решительно напечатала в чат:

– Проблемы со входом в CRM.

Сухо и лаконично.

Ровно через минуту в дверь постучали, и она тут же распахнулась. Я повернула голову и с трудом поборола желание попросить его закрыть дверь с другой стороны. Он, что, под кабинетом стоял? Или они там продолжают распивать вино за его первый рабочий день?

Парень вызвал во мне чувство неприязни с первой же секунды. Без причины. Просто потому что занял место Нины и потому что его выбирал мой отец. Такого же идеального, как и он сам. Других у нас не принимают. Одет в светлую рубашку и стальную жилетку, туфли начищены до блеска, аккуратная стрижка и дорогие джинсы. Модно и стильно. Тоже как с обложки. Лицо не то чтобы красивое, но из тех, на которых задерживается взгляд, и оторваться уже не так-то просто. Что ж вы все здесь такие пластмассовые? Ненастоящие. Нарисованные. Комиксы и то более живые, чем все вы здесь вместе взятые! И я такая же ненастоящая, раз принимаю правила вашей игры, от которой тошнит уже.

– Приятного, – бросил взгляд на чашку кофе, на мою руку, нервно отстукивающую пальцами по столешнице, скользнул ниже на вырез черной блузки и на ногу под юбкой. Я по привычке скинула туфли на высокой шпильке и расслабленно упираюсь пальцами в ковровое покрытие. Перевел взгляд обратно на чашку с кофе и только потом посмотрел мне в глаза, –

кофепития. На сотовом уведомление с чата пришло, как раз мимо проходил. Могу прямо сейчас посмотреть.

Окинул изучающим взглядом темно-карих глаз и зашел в кабинет, лишая того выбора, который давали его слова.

– Пожалуйста. – Пожала плечами раздумывая, как мне наклониться и справиться с застежкой на туфлях. Он и так беззастенчиво пялится на мое декольте, а если я еще и наклонюсь? Поэтому просто обула их, не застегивая. Кивнула на компьютер. – Утверждает, что пароль неверный. Хотя в нем я ошибиться не могла.

Подошел и встал то ли сзади, то ли сбоку и наклонился к столу. Не смотрит на меня. Взялся за мышку. Пальцы длинные и нервные, а запястье очень сильное, и кожаный ремешок часов контрастом на смуглой коже.

– Пароль не меняли, но в систему внесли нескольких новых работников, и она могла обновиться. Иногда после обновления бывают всякие факи. Хотите восстановить ваш логин и пароль или придумаем новые?

Слишком близко. Я терпеть не могла, когда кто-либо незнакомый был настолько близко. Так явно почувствовала его запах, который на удивление оказался... терпимым... а, если совсем честно, то даже приятным. Ненавязчивый аромат свежести.

Напряглась, когда подался слегка вперед, еще больше сокращая расстояние между нами.

– Придумайте...

– Давайте вместе придумаем. Какое слово вам нравится больше всего? Ну, или никнейм, логин для входа.

Усмехнулся, и затылок обдало жаром, а по коже побежали мурашки. Я откинулась на спинку кресла и едва не уткнулась в его шею. Выразительно посмотрела на него, ожидая, пока отодвинется, но он даже не пошевелился, улыбаясь и глядя прямо в глаза.

– Я думаю, ХАМ. ХАМ подойдет?

– Это логин или пароль?

Развернула кресло и встала, отходя от него подальше, прихватив чашку кофе. Прямо к столу Никиты, стоящему напротив моего. Эта близость смущала, казалась слишком странной. Сделала глоток, присаживаясь на стол и глядя, как занимает моё место с кривой усмешкой на губах. Поднял голову, сверля своими тёмными, почти черными глазами, всем своим видом показывая, что ждет моего ответа.

– Мне кажется, так вполне мог бы называться чей-нибудь никнейм – Хам. Но пусть будет Харли. Логин – Харли. Как и раньше.

Сердце защемило от боли при воспоминании о Нине.

– Харли, значит? Окей. Харли Квин? – не дожидаясь моего ответа, ввел логин, – Вам бы подошло нечто другое, но ведь никнейм иногда намного больше говорит о его носителе, чем имя. Его мы, в отличие от имени, выбираем сами. И насчет первого варианта – я бы внес его в пароль, но общенародная система безопасности никогда не даст возможность ввода трехзначного пароля. Слишком будет легко войти в вашу, – поднял на меня глаза, скользнул по груди и снова в глаза, – CRM.

Наглая самоуверенная сволочь! Наверное, краска бросилась мне в лицо, потому что он снова дерзко усмехнулся, слегка склонив голову набок.

Сцепила пальцы в замок и закинула ногу на ногу, испытывая желания дать ему как следует по щетинистой журнальной физиономии за эти наглые намеки.

– В таком случае пусть это будем Хам000000. Каждый раз вводя его, буду вспоминать о вас.

– Главное, что так же никогда обо мне и не забудете. Во всем есть свои плюсы и минусы. Кстати, когда вы злитесь, у вас глаза становятся на несколько тонов ярче. И румянец появился.

Он что-то сохранял у меня на ноуте, быстро щелкал пальцами по клавиатуре. Очень четкий мужественный профиль с резко очерченными широкими скулами. И такие неуместные длинные ресницы.

– Готово. Теперь я уверен, что новый логин и пароль навсегда останутся в вашей памяти. Вы обращайтесь, если еще что-нибудь понадобится ввести. – резкий взгляд на меня, и рука с кофе дрогнула, – Кстати, ваш кофе остыл. Не хотите выйти из этого склепа и выпить со мной чашечку настоящего черного, а не эти помои?

Я настолько опешила от его наглости, что спрыгнула со стола и демонстративно отпила из кружки.

– Вы нашли единственную возможность взраться в мою память.

Подошла к нему, ожидая, пока освободит моё место.

– А на приглашение вынуждена ответить отказом – ненавижу черный кофе.

– Я тоже ненавижу черный кофе, мы можем попить чаю, например.

Он бросил взгляд на фото Нины со мной и снова посмотрел на меня.

– Такой пароль обязательно надо обмыть.

Проследила за его взглядом и поёжилась, невольно ощутив себя предательницей. Только что я мысленно обвиняла всех в том, что так быстро нашли замену Нине, что общались с ним с улыбкой, легко и непринужденно, а теперь сама стояла рядом и всерьез раздумывала о том, чтобы принять его предложение. Тело окатило ледяной волной презрения к самой себе.

– Я думаю, вы достаточно сегодня обмыли всё, что только можно. Я благодарна вам за приглашение, но у меня слишком много работы. До свидания, Адам.

Он продолжал смотреть на меня. Вот так сверху вниз. Не моргая. Очень глубокие у него глаза, цвет и оттенок меняют мгновенно. От светлого, до почти черного.

– А знаете, я ведь вас прекрасно понимаю. Думаете, пришел на чужое место, на место дорогого для вас человека, еще и в душу к вам лезу, верно? Но если бы не я, то пришел бы кто-то другой. Да кто угодно. Это работа, предприятие, которое не может позволить себе траур по сотруднику даже на один день. Человека не уволили, не подсадили – человек умер. А жизнь вокруг продолжается, и кофе пьют по утрам, и чай, и на работу ходят. Даже хамы. Хорошего дня, Мирослава Лазаревна. Обращайтесь, если что.

Дождалась, пока выйдет за дверь и опустила в своё кресло, уронив голову на руки.

Конечно, он был прав. Нет его вины никакой в том, что произошло. И фирма тоже не должна горевать по умершему сотруднику. Как и все те, кто собирался утром возле кофемашины, приветствуя нового коллегу. По большому счёту, Нина ни с кем, кроме меня, на работе близко не общалась. Это моя личная трагедия, и только мне с ней жить дальше. А жизнь вокруг действительно продолжается, вот только в моей появилась ещё одна огромная трещина.

Подняла голову и посмотрела на экран. В глаза бросился ярлык соцсети. Кликнула два раза и с облегчением увидела, что здесь она даже не вышла из аккаунта.

Последнее сообщение светилось непрочитанным. От Джокера. И аватарка с Хитом Леджером под маской уродливого грима.

Глава 3. Марина Чистова

«В комнате темно, но я был прав
Тлеют на руках твои мечты
Если ты забыла, кто твой враг...
Я тебе напомню – это ТЫ...»

© Дарсн – Комната

Иван Петрович Никифоров поморщился, отмахнувшись от Старкова, предлагавшего выйти из этой вонючей ямы и покурить. Хотя затянуться хотелось до дрожи в пальцах. За все время работы участковым не видел майор такого ужаса – будто здесь, в их Мухосранске снимали голливудский фильм ужасов. Да, он привык к убийствам, но к другим: то сын отца пырнет ножом, не поделивши с ним бутылку самогона, то брат брата до смерти изобьет из-за жены-шлюшки, то какого-нибудь приезжего обчистят до нитки, прирежут и кинут труп в канаву. Случалось всякое за время его службы в органах. И он наивно полагал, что уже ничем его не удивить. Но сегодня... сегодня он впервые почувствовал приступ ужаса. Едва спустившись в этой подвал ошутил, как тело каменеет от страха, и тошнота подступает к горлу.

Пасмурное небо нагоняло тоску... Затянутое низкими, громоздкими тучами, оно словно грозило провалиться на землю, задавив под собой старенькие дома с выцветшей, некогда яркой черепицей.

Марина выдохнула, чертыхнувшись, когда ветер словно в издевку бросил ей в лицо несколько локонов. Капли дождя каким-то сплошным потоком обрушились на нее.

– Вашу ж мать! – Слезы бессилия покатались из глаз девушки.

Сейчас она ненавидела абсолютно весь мир. И чертовое небо, и совсем не ко времени разразившийся дождь, и дорогу, никогда не видевшую асфальта, и огромный чемодан, ручка которого сломалась при выходе из автобуса. Рядом не оказалось ни одного мужика, который мог быть помочь – вместе с ней ехали одни старики, да бабы с приставучими сопливыми детьми, которые трещали без умолку.

«Айфон» почти разрядился еще в поезде, и, чтобы сохранить остатки зарядки, Марине пришлось всю дорогу слушать беспорядочную трескотню этих деревенских идиотов и предсмертные потуги жестянки, в которой они все тряслись, как в консервной банке. Ей казалось, что ПАЗик развалится на полпути, но эта куча металлолома таки довезла их до Глухомани, как окрестила про себя девушка родные края покойного отца, и, на прощание выпустив по пассажирам черное вонючее облако, уехала.

В деревню её отправила мать подальше от Марата и от своего нового ухажера. Испугалась, что последний переключится на Маринку. Идиотка старая. Нашла хахалю, который всего на восемь лет старше собственной дочери, и трахалась с ним без зазрения совести в соседней комнате. В то время, как Марина сидела на кровати, вдев наушники, слушала музыку, перекрывавшую их бесстыжие стоны, и смотрела, как трясется изголовье её кровати от толчков. Когда-нибудь Марина вырвется из этой нищеты, из проклятой двушки со стенами тоньше папиросной бумаги, и все же получит то, чего достойна и заслуживает. Не то, что её мать, которая еле сводит концы с концами и боится, что собственная дочь отобьет у нее молодого любовника.

Впрочем, парень тоже полный придурок – открыто при сожительнице пялился на Маринкины ноги в коротких шортах. Девушке даже стало жалко его в какой-то момент, и однажды, пока мать была на работе, Марина решила не убирать его ладонь со своей задницы, а после рухнула перед ним на колени и так ублажила, что тот кричал от наслаждения, вцепившись ей в волосы. И после этого ходил потом за ней, как приклеенный, и зажимал в укромных местах.

Марина вздохнула – размерами Витю Господь явно не обделил. Недаром мать так тряслась в страхе потерять. И зря сама Чистова почти три месяца не подпускала того к себе – столько времени потеряла. Некстати вспомнила, как он, зажав ей рот ладонью, вдавливался сзади, пока она цеплялась руками за полки в кладовке. Под Ирину Аллегрову, которую обожала мать, накрывавшая им в это время ужин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.